

УДК 94(470)"1914/1916"

doi: 10.17072/2219-3111-2017-3-48-55

## РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА АНГЛИЧАН В СОЗНАНИИ РОССИЙСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

*М. А. Оболонкова*

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 614000, Пермь, Сибирская, 24  
obolonkova@pspu.ru

В процессе конструирования инокультурных образов существенно значение интеллектуалов в силу их роли в производстве смыслов и ценностей. С использованием современных имагологических подходов, рассматриваются образы англичан в сознании разных категорий российских интеллектуалов во время Первой мировой войны. На основе концепции Т. Ван Дейка определены основные дискурсы, в русле которых в российской интеллектуальной среде репрезентировались образы британцев. В процессе декодирования образа Другого концентрируется внимание на источниках вербального характера, учитывается аксиологический контекст бытования образа англичан в российском общественном сознании. Обосновывается тезис о том, что в период Первой мировой войны образ англичан был многослойным. При рассмотрении разных слоев данного инокультурного образа используется предложенная Ж.-М. Мура категория «имаготема», под которой понимается мотив, рефрен, переходящий из одного текста в другой. Выделены ключевые имаготемы, посредством которых образы британцев интегрировались в российскую социокультурную жизнь. Делается вывод о том, что средствами репрезентации разных моделей образа англичан в общественном сознании с начала Первой мировой войны до конца 1916 г. были ключевые имаготемы: исторически обусловленная чужеродность британцев и непонимание ими россиян (слабый нейтрально-скептический дискурс); скрытая враждебность к Англии и подозрительность по отношению к британцам (латентный дискурс англофобии); превознесение сильного и доблестного британского союзника (доминирующий англофильский дискурс). Конфигурация находившихся в сознании российских интеллектуалов образов англичан радикально трансформируется вследствие событий 1917 г.

*Ключевые слова:* имагология, образ англичан, Первая мировая война, российские интеллектуалы, имаготема.

На священной памяти народа  
Англичанин другом не слывет,  
Развалит Европу их свобода,  
Альбиона каменный приход  
*О. Мандельштам, 1916 г.*

Нельзя, mon cher, нельзя,  
Чтоб, как салопница-мещанка,  
Твердили мы весь век,  
Что "гадит англичанка"  
*Н. Венцель, 1903 г.*

В поле отечественных имагологических штудий имеется множество исследований о представлениях россиян об Англии и британцах в разные исторические периоды. Верно замечено, что отечественная имагологическая традиция уходит «своими корнями в российское англоведение» [Хут, 2015, с. 304].

Книга Н.А.Ерофеева «Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853» [Ерофеев, 1982] стала классической, заложив историографическую традицию, продолженную в трудах, посвященных образу англичан в России, в частности, в канун XX в. и во время Первой мировой войны [Давидсон, 2005; Голубев, 2016; Поршинева, 2011; Сорока, 2010]. Как видно из этих исследований, образ англичан, как и любой другой образ, «многогранен, поскольку разные его сто-

роны обращены к разным адресатам и составляющие его представления разделяют разные социальные группы» [Родигина, 2006, с.45 ].

При небольшой степени изученности предмета имеются лакуны, связанные с определением и анализом тех дискурсивных полей, в которых формируются, сохраняются, трансформируются грани образа.

Понятие дискурса многозначно. Для нас ценен подход Т. Ван Дейка, трактующего дискурс (в широком смысле) как коммуникативное событие, происходящее в процессе коммуникативного действия с целью передачи информации или выполнения других социальных действий в определенном временном, пространственном и ином контексте [Ван Дейк, 1998].

Репрезентация образа исторической реальности происходит при помощи разных средств – вербальных, визуальных, поведенческих, ценностных и др. Контекстуализация и декодирование образа Другого в разных случаях предполагает и специфический методологический инструментарий. В нашем кейсе полагаем разумным ограничиться источниками вербального характера: при работе с ними представляется перспективным обращение к интересным результатам теоретико-методологических поисков литературоведов и лингвистов, что, в частности, позволит уточнить аксиологический контекст бытования образа англичан в российском сознании данного исторического периода.

Сегодня общепризнано, что этнокультурные представления «отражают не одну, а две реальности, или, точнее, два народа – и тот, чей образ формируется в сознании другого народа, и тот, в среде которого эти представления слагаются и получают распространение» [Ерофеев, 1982, с.21]. Выявление особенностей репрезентации образа Другого дает дополнительные возможности для понимания общества-«реципиента», так как имагология призвана не только исследовать «конкретные воплощения представлений о Другом/Чужом..., но и выявлять силовые линии культуры, ее аксиологические ориентации, определяющие механизмы репрезентации национального» [Поляков, 2013, с.182].

В процессе культурных коммуникаций и конструирования инокультурных образов существенна роль интеллектуалов, которые «на протяжении длительного времени создавали комплексы идейно-политических ориентаций, наделяли их смыслами» [Фадеева, 2012, с.289].

По мнению исследователей, «то, каким содержанием наполняется понятие „они“ – дружелюбным, нейтральным или враждебным, – зависит от очень многих обстоятельств. Здесь и историческая память, и конкретно-историческая ситуация, и жизненный опыт и мировоззрение отдельных людей, которые являются субъектами взаимоотношений» [Сенявский, Сенявская, 2006, с. 59]. Д.-А. Пажо предложил типологию форм рецепции национального с учетом специфики культурных взаимоотношений. В случае, когда иностранная культура предстает как «низшая по отношению к родной культуре», формируется «фобия», которая, в частности, способствует повышению значимости собственной культуры. Если иностранная культура рассматривается в культуре-реципиенте как «высшая по отношению к родной национальной культуре..., мы имеем дело с „маниями“». В условиях, когда иностранная культура «рассматривается принимающей как позитивная», основанная «не только на положительном восприятии, ...но и на признании благотворного влияния», речь идет о «филии». Кроме того, иностранная культура может приниматься родной культурой безоценочно (цит. по [Поляков, 2013, с. 183]).

Отношение к Великобритании, бытовавшее в российском обществе во второй половине XIX в., складывалось под доминирующим воздействием внешнеполитических обстоятельств. Прямое столкновение в Крымской войне, взаимная враждебность во время русско-турецкой, англо-бурской, русско-японской войн формировали и закрепляли англофобию как ведущий дискурс в спектре отношений к Англии и англичанам.

В российском дискурсе англофобии на рубеже XIX и XX вв. можно выделить ряд компонентов. Ж.-М. Мура определил их термином «имаготема» – «мотив, рефрен, переходящий из текста в текст, из группы в группу в пределах воспринимающей общности», позволяющий «раскрыть, как эти представления вплетаются в ткань общественной, интеллектуальной, социокультурной жизни» (цит. по: [Казакова, 2010, с.10]).

В англофобском дискурсе имаготема глубокой враждебности Великобритании к России была связана с инструментализацией ряда прецедентных высказываний. Теория прецедентности, в центре которой находится концепт прецедентного текста, строится исходя из наличия в тексте элемен-

тов предшествующих текстов [Петрова, 2010, с. 177]. Исследователи выделяют основные признаки прецедента как определенного образно-ассоциативного комплекса: общеизвестность, значимость в познавательном и эмоциональном отношениях, регулярная воспроизводимость, отсутствие необходимости семантизации для большинства членов лингвокультурного сообщества, культурная обусловленность [Мардиева, 2011, с. 203].

Прецедентное высказывание «Англичанка гадит» [Давидсон, 2005, с. 52] стало, по терминологии В.М.Бехтерева, изучавшего роль внушения в общественной жизни, «психическим микробом», который передается «через слова, жесты и движения окружающих лиц, через книги, газеты и пр.» Ученый заключал: «...В окружающем нас обществе мы подвергаемся действию психических микробов и находимся в опасности быть психически зараженными» [Бехтерев, 1903, с. 5].

Инфицирование «микробом» англофобии было весьма токсичным, о чем говорит эпизод из гимназической юности председателя Государственной думы А.И. Гучкова. «От позора Берлинского конгресса, английского флота в Босфоре» он решил убить Дизраэли «за антирусскую политику», готовился к побегу в Англию, купил револьвер, учился стрелять [Солженицын, 2007, с.47–48].

Еще одним прецедентным высказыванием в дискурсе англофобии стал фразеологизм «коварный Альбион», заимствованный из французской культуры. В предисловии к пьесе «Джон Буль конца века» ее автор обосновывал выбор предмета своей «политической трагикомедии»: «Недаром политики прозвали Англию коварным Альбионом» (Златковский, 1898, с. 3). Эгоизм, макиавелизм, безнравственность – так характеризует автор Англию и ее внешнюю политику (Там же). Герой романа А.Ф.Писемского припечатывает британцев: «Где англичанин, там коварство и корысть» [Писемский, 1959, с. 187]. О «жестокосердии коварного Альбиона» упоминали в литературных рецензиях, личных письмах (Вяземский, 1879, с. 256; Чайковский, 2004).

Инструментализация прецедентного высказывания «коварный Альбион» обеспечивала и одновременно отражала в дискурсе англофобии устойчивость имаготемы глубокого недоверия к Англии и англичанам. Нечестный, злокозненный и опасный британский Другой противопоставлялся открытому и прямодушному русскому «Мы». П.И.Чайковский отмечал в письме 28 января 1878 г.: «До сих пор Россия держит себя превосходно относительно Коварного Альбиона». (Чайковский, 2004).

Англофобия существовала параллельно с англomanией. Дискурс англomanии формировался либеральной частью интеллектуалов, которые ценили английскую политическую систему с ее демократическими традициями и институтами. Англomanство порой принимало несколько нарочитые формы. В доме одного из основателей конституционно-демократической партии, В.Д. Набокова, были «высокие часы с вестминстерскими курантами» как символ политических симпатий хозяина, дети в семье слушали английские сказки, учились английскому языку, одежда, аксессуары и даже мыло покупались в английском магазине [Архинов, 2009].

В дискурсе англomanии важное место занимали имаготемы экономического и политического прогресса, что соответствовало ценностям интеллектуалов – сторонников модернизации. Ими высоко оценивались публикации И.В. Шкловского (Дионео), благодаря которым, по словам П.Н.Милюкова, «вся Россия следила за успехами прогрессивных идей в старой стране политической свободы» (Милюков, 1955, с. 217).

После подписания англо-русского соглашения 1907 г. курс на преодоление взаимных предубеждений и культивирование дружественных отношений был включен в повестку правительств обеих империй. В России министр иностранных дел А.П. Извольский даже начал специально работать с прессой, чтобы противодействовать англофобским стереотипам [Емец, 1992, с. 344]. Результаты этой работы проявлялись разнообразно. В июне 1914 г. в Петербург с официальным визитом прибыла английская эскадра, о чем восторженно писала пресса. Был открыт доступ на военные корабли. «Наша русская публика совершенно переменила мнение об англичанах», – вспоминали участники событий, отмечая, что представляли их людьми неразговорчивыми и сдержанными, даже скучными, а оказалось, что они веселые, радушные, гостеприимные (Засосов, Пызин, 1991, с.35).

В начале Первой мировой войны в текстах о британцах центральным стал концепт союзничества. «Он наш соратник, сподвижник, мы связаны с ним узами крови», – писала «Нива» об английском солдате (Чуковский, 1915, с. 318).

В англофильском дискурсе ключевое место занимает имаготема «доблестный военный соратник», олицетворяющий страну экономического богатства, технического прогресса, мощного флота. «Мы видели ваш могущественный флот, непрерывно растущий», – восхищался наблюдатель (Набоков, 1916, с. 130), транслируя местную шутку о заводе Palmers, который «с одного конца принимает железную руду, а с другого – выпускает готовые суда» (Там же, с. 125). Такой союзник надежен, потому что отлично подготовлен к войне. Обеспечение армии продуктами, одеждой и обувью организовано «в высшей степени практично и целесообразно» (Там же, с. 167).

Среди многих добродетелей английских комбатантов К. Чуковский выделяет благородство: «Каждый английский солдат чувствует себя рыцарем» (Чуковский, 1915, с. 314). Даже дети-бойскауты в тылу, по впечатлению автора, это «маленькие рыцари», «крошечные дон-кихотики Англии», которые «ходят по всем улицам и жадно оглядываются: не нужно ли кому их услуг?» (Чуковский, 1917, с. 11).

Публицисты внесли свою лепту в конструирование весьма идеализированного образа воюющего союзника. «Мужество, геройство, отвага обладают в глазах англичан особой эстетической прелестью», – восхищается корреспондент (Чуковский, 1916, с.43). Британцам приписывались такие характеристики, которые представлялись в данных обстоятельствах войны не только ценными для русского человека, но и годными для заимствования: деловитость и организованность, благородство, мужество, надежность, оптимизм, юмор и др. Такие гетеростереотипы британцев в рамках англофильского дискурса были свойственны преимущественно либеральной части интеллектуальной среды. Во время войны англичанин воспринимался ею хотя и Иным, но Своим. Так, рисуя коллективный портрет англичан, Чуковский патетически говорит о них как о «свободных и сильных душах» (Чуковский, 1915, с. 315). Показательно, что, вспоминая свой полет на аэроплане (такая возможность выпадет ему во время поездки на Западный фронт в 1916 г.), он опишет свои ощущения так: «восторг и экстаз и обетование какой-то свободы, о которой мы тоскуем всю жизнь» (Чуковский, 1917, с. 54).

Вместе с тем практически с начала войны был обозначен и другой вектор, характеризующий иное отношение к британцам. «В этих широких кругах не редкость встретить некоторый скептицизм, когда речь заходит об участии Англии в общих военных операциях», – с сожалением констатировал В.Д. Набоков (Набоков, 1916, с.3).

Имаготема чужеродности русских и англичан заметна в этом дискурсе нейтрально-скептического отношения к британцам. Показательны дневниковые записи З.Н. Гиппиус: «Я люблю англичан, но я так ярко понимаю, что они нас не понимают (и не очень хотят)», «...как может понять нормальный англичанин вот это чувство слежения за твоими мыслями, когда у него этого опыта не было, и у отца, и у деда его не было? Не поймет» [Гиппиус, 1990].

В консервативных кругах сохранялась прежняя англофобия: союзники по Антанте англичане, как и французы, по-прежнему враждебно выделялись «носителями принципов “Великой Революции”» (цит. по: [Лукьянов, 2015, с. 23]). Правые, подобно графу С.Д.Шереметеву, полагали «английскую нацию и английское правительство заклятыми и коварнейшими врагами нашими», «Кайновым отродьем», с которым «никакого прочного союза... быть не может», считая, что «такой союз для нас пагубен» (цит. по: [Сорока, 2010, с.51]). В частных письмах звучали сетования на то, что евреям и англичанам «наконец, удалось нас стравить с Германией», и даже признания о предпочтении войны не в союзе с Францией и Великобританией, а против них (цит. по [Лукьянов, 2015, с.20]).

К рубежу 1915 и 1916 гг. по мере продолжения военных действий и накопления усталости от войны, в общественном сознании вновь проявилась тенденция к недоверию англичанам, к подозрению их в эгоизме, корысти, в стремлении переложить все жертвы и тяготы на русскую чашу весов.

Рефреном все чаще звучал мрачный каламбур о войне до последней капли крови. Л.Троцкий вспоминал: «Англия раскачивалась медленно. В гостиных Петрограда и штабах фронта мило шутили: «Англия поклялась держаться до последней капли крови русского солдата» [Троцкий, 1997, с.49].

Репутация англичан-союзников в России была под такой угрозой, что русский посол в Великобритании граф Бенкендорф для корректировки ситуации высказал даже предложение «стимулировать субсидиями» нужный тон российской прессе» (цит. по [Сорока, 2010, с. 54]).

В начале 2016 г. по приглашению английского правительства в Великобритании и на Западном фронте побывала группа писателей и публицистов, представлявших издания разных элементов

российского политического спектра: В.Д. Набоков («Речь»), А. Толстой («Русские ведомости»), В.И. Немирович-Данченко («Русское слово»), К. Чуковский («Речь», «Русское слово», «Нива»), Е. Егоров («Новое время») и А. Башмаков («Правительственный вестник»). Надо было снять нежелательные и опасные для союзнических властей негативные коннотации, заметно окрасившие образ англичан в российском восприятии.

Самую большую активность проявили представлявшие либеральные издания А.Толстой и неисправимые англофилы В.Набоков и К.Чуковский. Они подчеркивали свое восхищение тем, какую «силу и крепость духа, бодрую готовность на дальнейшие жертвы, на новые усилия, ведущие к победе», демонстрируют англичане (Набоков, 1916, с. 130). Ноту этих публикаций чутко услышала Е.Д. Толстая, обозначив ее как «здоровую зависть к нации, которая смогла сплотиться перед лицом военной угрозы и преодолеть внутреннюю рознь» [Толстая, 2014, с.788].

Что касается имагологических аспектов последующих перемен в сознании интеллектуалов, связанных с воздействием российских событий 1917 г., то это, на наш взгляд, предмет отдельного внимания.

Резюмируя, отметим, что с начала Первой мировой войны до конца 1916 г. образ англичан сохранял многослойность. Репрезентация образов британцев происходила посредством эксплуатации ряда ключевых имаготем: исторически обусловленная чужеродность британцев и непонимание ими россиян (слабый нейтрально-скептический дискурс), скрытая враждебность к Англии и подозрительность по отношению к британцам (латентный дискурс англофобии), превознесение сильного и доблестного британского союзника (доминирующий англофильский дискурс).

Обращение в системе координат Мы – Они, Свои – Чужие к специфике присутствовавших в сознании разных категорий российских интеллектуалов образов англичан позволяет полагать, что на приписываемый британцам набор характеристик и их коннотации среди прочих обстоятельств существенное влияние оказывал ценностный фактор. Весьма ресурсным представляется взгляд Л.П. Репиной на соотношение основных бинарных оппозиций в имагологии и основания для их конфигурирования [Репина, 2012, с.16–17]. С учетом этого ракурса можно заключить, что англичанин-Другой репрезентировался в дискурсе англофобии как Чужой исходя из идейно-политических установок, в нейтрально-скептическом дискурсе – как культурно Иной, в дискурсе англофильства – как Свои на основании идейно-политических ценностей и культурно-этических приоритетов.

#### Список источников

- Вяземский П.А. Новая поэма Э. Кине // Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. М.: Искусство. 1984. 458 с. URL: [http://az.lib.ru/w/wjazemskij\\_p\\_a/text\\_0700.shtml](http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_0700.shtml) (дата обращения 11.07.2017).
- Гиппиус З.Н. Петербургский дневник (1914–1917) // Гиппиус З. Дневники, воспоминания. Синяя книга. URL: <http://gippius.com/doc/memory/sinyaya-kniga.html> (дата обращения: 11.07.2017).
- Засосов Д.А., Пызин В.И. Из жизни Петербурга 1890–1910-х гг.: Записки очевидцев. Л.: Ленинздат. 1991. 270 с.
- Златковский М.Л. Джон Буль конца века: Политическая трагикомедия в пяти картинах. СПб., 1898. 161 с.
- Милуков П.Н. Воспоминания (1859–1917): в 2 т. Нью-Йорк. 1955. Т.1. 438 с.
- Набоков В.Д. Из воюющей Англии: Путевые очерки. Пг., 1916. 131 с.
- Писемский А.Ф. Мещане: роман в 3 ч. // Собр. соч.: в 9 т. М.: Правда. 1959. Т. 7. 439 с.
- Толстой А. В гостях у англичан. Прогулка с Конан-Дойлем // Русские ведомости. 1916. 22 марта, № 67.
- Чайковский П.И. – Мекк Н.Ф. 28 января/9 февраля 1878 г. // Переписка П. И. Чайковского с Н. Ф. фон Мекк. URL: <http://coollib.com/b/368923/read> (дата обращения: 11.07.2017).
- Чуковский К. Англичане // Нива. 1915. № 16, 17.
- Чуковский К. Англия накануне победы. Пг.: Т-во А.Ф. Марксъ, 1917. 146 с.
- Чуковский К. Заговорили молчавшие (Англичане и война). Пг: Т-во Марксъ, 1916. 185 с.

#### Библиографический список

- Архипов И.В. Д. Набоков: либерал и патриот. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2009/7/ar11.html> (дата обращения: 11.07.2017).

- Бехтерев В.М.* Внушение и его роль в общественной жизни. СПб.: К.Л. Рикер, 1903.144 с.
- Ван Дейк Т.* К определению дискурса. 1998. URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (дата обращения: 11.07.2017).
- Голубев А.В.* «До последнего русского солдата»: эволюция представлений о союзнике в 1914–1945 гг. // От противостояний идеологий к служению идеалам. Российское общество в 1914–1945 гг.: Сб.статей. М.: Новый хронограф, 2016. С.154–169.
- Давидсон А.Б.* Образ Британии в России XIX–XX столетий // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 51–64.
- Емец В.А.* А.П. Извольский и перестройка внешней политики России (соглашения 1907 г.) // Российская дипломатия в портретах. М.: Междунар. отношения, 1992. С. 336–355.
- Ерофеев Н.А.* Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских. 1825–1853. М.: Наука, 1982. 320 с.
- Казакова О.Ю.* Границы междисциплинарности: термины, дефиниции, понятия // Российская история. 2010. № 5. С. 6–17.
- Лукьянов М.Н.* Российская правая и начало Первой мировой войны // Вестник Пермского университета. История. 2015. Вып. 2 (29). С. 18–25.
- Мардиева Л.А.* Коллективная культурная память общества (прецедентные визуальные образы и феномены)// Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 3(15). С. 202–209.
- Петрова Н.В.* Эволюция понятия «прецедентный текст» // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Филология. 2010. Вып. № 2(10). С.176–182.
- Поляков О.Ю.* Принципы культурной имагологии Даниэля-Анри Пажо // Филология и культура. 2013. № 2 (32). С. 181–184.
- Поршнева О.С.* Образы западных союзников в русском традиционном сознании накануне и в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) // Проблемы истории России. Вып. 9: Россия и Запад в переходную эпоху от средневековья к новому времени. Екатеринбург: Волот. 2011. С. 316–325.
- Репина Л.П.* «Национальный характер» и «образ Другого» // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 9–19.
- Родигина Н.Н.* «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в. Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. пед. ун-та, 2006. 343 с.
- Сенявский А.С., Сенявская Е.С.* Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2006. № 2 (6). С. 54–72.
- Солженицын А.И.* Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках в четырех Узлах. Узел II: Октябрь Шестнадцатого. Книга 2 // Солженицын А. И. Собр. соч. в 30 т. М.: Время, 2007. Т. 10. 592 с.
- Сорока М.Е.* «Просвещенные мореплаватели»: англичане в восприятии русских до и во время Первой мировой войны // Российская история. 2010. № 5. С. 49–56.
- Толстая Е.Д.* «Вы будете глазами и ушами вашего народа»: Визит русских писателей в Англию в феврале 1916 г. // Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. М.: Изд-во ИМЛИ РАН, 2014. С. 784–801.
- Троцкий Л.Д.* История русской революции: в 2 т. Т. 1: Февральская революция. М.:Терра; Республика, 1997. 464 с.
- Фадеева Л.А.* Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность. М.: Новый хронограф, 2012. 320 с.
- Хут Л.Р.* «Британский след» в отечественной имагологии// Британцы и народы Юга России: проблемы взаимовлияния: Сб. науч. статей по итогам Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Краснодар 20–22 июня 1914 г.

*Дата поступления рукописи в редакцию 13.05.2017*

## THE IMAGE OF THE BRITISH AMONG RUSSIAN INTELLECTUALS: REPRESENTATIONS DURING THE FIRST WORLD WAR

M. A. Obolonkova

Perm State Humanitarian Pedagogical University, Sibirskaya str., 24, 614000, Perm, Russia  
obolonkova@pspu.ru

Since intellectuals produce meanings and values, their role in the production of ethno-cultural images of other nations is significant. Using modern imagological approaches, the author considers the images of the British in the minds of different categories of Russian intellectuals during the First World War. Based on the concept of T. van Dyck, basic discourses as the framework for the representation of British images in the minds of Russian intellectuals are defined. In decoding the image of the Other, the author concentrates on sources of a verbal nature and analyzes the axiological context of the British image in Russian public opinion. The thesis is substantiated that, during the First World War, the image of the English was multilayered. The category “imagotheme” is used to consider the different layers of the analyzed image. J.-M. Moura suggested the term, meaning the motive/ the refrain passing from one text to another. The author concludes that, from the outbreak of the First World War to the end of 1916, the ways of the representation of different types of the British image in Russian sociocultural life as the key imagothemes were: historically determined otherness of the British and lack of understanding of the Russians from their side (weak neutral-skeptical discourse); concealed hostility to England and British values, suspiciousness towards the British (latent discourse of Anglophobia); and praising of a strong and valiant ally (dominant discourse of Anglophilia). The configuration of the images of the British was radically transformed because of the events of 1917.

*Key words:* imagology, the image of the British, the First World War, Russian intellectuals, imagotheme.

### References

- Arhipov, I.V. (2009), “D. Nabokov: liberal i patriot” [D. Nabokov: Liberal and Patriot], available at: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2009/7/ar11.html> (accessed: 11.07.2017)
- Behterev V.M., (1903), *Vnushenie i ego rol' v obschestvennoj zhizni* [Suggestion and its role in social life], Izdanie K.L. Rikera, St. Petersburg, Russia, 144 p.
- Davidson, A.B. (2005), “The image of Britain in Russia of XIX-XX centuries”, in *Novaya i noveyshaya istoriya*, № 5, pp. 51–64.
- Emets, V.A. (1992), “A.P. Izvolsky and the restructuring of Russia's foreign policy (the 1907 agreement)”, in *Rossiyskaja diplomatiya v portretah* [Russian diplomacy in portraits], Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, Russia, pp. 336–355.
- Erofeev, N.A. (1982), *Tumannyy Albion. Angliya i anglichane glazami russkikh. 1825–1853* [Foggy Albion. England and the British in the Russian view. 1825–1853], Nauka, Moscow, Russia, 320 p.
- Fadeeva, L.A. (2012), *Kto my? Intelligentsiya v borbe za identichnost'* [Who are we? Intelligentsia in the struggle for identity], Novyy khronograf, Moscow, Russia, 320 p.
- Golubev, A.V. (2016), “«Until the last Russian soldier”: the evolution of ideas about an ally in 1914–1945», in *Ot protivostoyaniy ideologii k sluzheniyu idealam. Rossiyskoe obschestvo v 1914–1945 gg.* [From the confrontations of ideologies to the service of ideals. Russian Society in 1914–1945], Novyy khronograf, Moscow, Russia, pp. 154–169.
- Kazakova, O.Yu. (2010), “The boundaries of interdisciplinarity: terms, definitions, concepts”, *Rossiyskaya istoriya*, № 5, pp. 6–17.
- Lukyanov, M.N. (2015), “Russian right and the beginning of the First World War”, *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Istoriya»*, No. 2 (29), pp. 18–25.
- Mardieva, L.A. (2011), “Collective cultural memory of society (precedent visual images and phenomena)”, *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*, Vyp. 3(15), pp. 202–209.
- Petrova, N.V. (2010), “The evolution of the notion of “precedent text””, *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Filologiya*, № 2(10), pp.176–182.
- Polyakov, O.Yu. (2013), “Principles of cultural imagery of Daniel-Henri Paggio”, *Filologiya i kultura*, № 2 (32), pp. 181–184.
- Porshneva, O.S. (2011), “Images of Western allies in the Russian traditional consciousness on the eve and during the First World War (1914 - February 1917)”, in *Problemy istorii Rossii. Vyp. 9. Rossiya i Zapad v perehodnuyu epohu ot srednevekov'ya k novomu vremeni* [Problems of the Russian history. Issue. 9. Russia and the West in the Transit from the Middle Ages to the New Age], Volot, Yekaterinburg, pp. 316–325.
- Repina, L.P. (2012), ““National character” and “image of the Other””, *Dialog so vremenem*, No. 39, pp. 9–19.
- Rodigina, N.N.(2006), «*Drugaja Rossiya: obraz Sibiri v russkoy zhurnalnoy presse vtoroy poloviny XIX–nachala XX veka* [“Another Russia”: the image of Siberia in Russian magazine press in the second half of the

- XIX – early XX century], Novosibirskiy gosudarstvenny pedagogicheskiy universitet, Novosibirsk, Russia, 343 p.
- Senyavskiy, A.S., Senyavskaya, E.S. (2006) “Historical imagology and the problem of the formation of the "enemy image" (on the materials of Russian history of the 20th century”, *Vestnik RUDN. Ser. Istoriya Rossii*, № 2 (6), pp. 54–72.
- Solzhenitsyn, A.I. (2007), “Red Wheel: Narration in measured terms in four Nodes. Node I: October Sixteenth. Book 2”, in Solzhenitsyn A. I. *Sobranie sochineniy* [Collected works], 30 vols., Vol. 10, Vremya, Moscow, Russia, 592 p.
- Soroka, M.E. (2010), ““Enlightened navigators”: the British in the perception of Russians before and during the First World War”, *Rossiyskaya istoriya*, № 5, pp. 49–56.
- Tolstaya, E.D. (2014), ““You will be the eyes and ears of your people”: Visit of Russian writers to England in February 1916”, in *Politika i poetika: russkaya literatura v istoriko-kulturnom kontekste Pervoy mirovoy voyny* [Politics and poetics: Russian literature in the historical and cultural context of the First World War], IMLI RAN, Moscow, Russia, pp. 784–801.
- Trotsky, L.D (1997), “The February Revolution”, in *Istoriya russkoy revolyutsii* [History of the Russian Revolution], 2 vols., Vol.1, Terra; Respublika, Moscow, Russia, 464 p.
- Van Dejk, T. (1998), „*K opredeleniyu diskursa*” [To the definition of discourse], available at: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (accessed: 11.07.2017)